

УДК 001

DOI 10.25799/AR.2019.41.1.008

Забота и этос научного сообщества

Болотникова Елена Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: Vlad_lena@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу ценностей научного сообщества и определению места заботы в их совокупности. Сформулированный Р. Мертоном «этнос науки» выступает как «идеальный тип». Интериоризация ценностей этоса науки в практике осуществляется как забота ученого о себе. Забота в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, согласно принципу онтико-онтологической дифференциации, представлена в двух регистрах: онтологическом и онтическом. Последний понимается как структурная модель заботы о себе у М. Фуко и включает этическую субстанцию, модус подчинения, аскетические практики и телос. «Себя» может быть определено в узком и широком смыслах как индивид и как научное сообщество соответственно. Так понимаемая забота позволяет ухватить динамизм и константы научной работы. Телосом выступает истина, включая все многочисленные варианты ее трактовки в современной науке. Этической субстанцией, подлежащей преобразованию – свойство автономии и самозаконности научного сообщества. Модусом подчинения, способом призвания к трансформации определено рациональное, универсальное правило. Аскетические практики ученые осуществляют в отношении разнообразных форм языка науки и способов ее репрезентации в академическом сообществе и популярном изложении. Так сохраняются регистры экзистенциально значимого действия призвания и социально адекватного профессионального признания научного сообщества.

Для цитирования в научных исследованиях

Болотникова Е.Н. Забота и этос научного сообщества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 80-90.

Ключевые слова

Этнос науки, забота, истина, экзистенция, научное сообщество, производство знания.

Введение

Актуальное состояние научного сообщества, его ценности, эффективность и перспективы волнуют многих. Конференции, посвященные вопросам функционирования научных коллективов, целей, задач, форм образования и трансляции знания, педагогических технологий и мотивов, разделяемых учеными, проводятся самыми авторитетными организациями (Международная конференция «Социальная философия науки. Российская перспектива. К юбилею В.С. Степина», Москва, ИФ РАН, 2014, Международная научно-практическая конференция «Забота о себе как образовательная практика современного классического университета», Томск, НИУ, 2017, Первый Конгресс Русского общества истории и философии науки «История и философии науки в эпоху перемен» 14-16 сентября 2018г., ИФ РАН). Активно развивается социология науки. Очевидно, что чем более велико влияние науки на функционирование общества, тем больший интерес вызывает сообщество тех, кто это науку репрезентирует.

Классическая схема, описывающая моральные ориентиры, нормы, идеалы, конститутивные для научного сообщества, принадлежит Р.Мертону и создана еще в далеком 1942 году. Научный этос включает в себя универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скептицизм [Мертон, 2006, 767-782]. Критика этой теории привела к тому, что в начале 60-х годов XX века сам Р. Мертон отметил амбивалентность ситуации практической работы ученого. Для того чтобы эффективно функционировать, ему необходимо самостоятельно находить баланс между противоположными внутри научными интенциями: воспринимать новые идеи и не поддаваться интеллектуальной «моде»; быть энциклопедически эрудированными и сохранять творческую активность; быть педантичным в деталях, но не наносить ущерб масштабу замысла и проч. [Мирская, 2003, 16-17]. Таким образом, научный этос оказывается некоей «идеальной моделью» или «идеальным типом» действия научного сообщества, которому никогда и никто не следовал в практике, однако, на который всегда ориентировался ученый, по крайней мере, начиная с классической эпохи. Природа «идеального типа» по М. Веберу нормативна, но не закономерна, поскольку он не отражает в точности то, что есть в любом акте жизнедеятельности научного сообщества или конкретного ученого, а очерчивает, предписывает то, что должно было быть. И первоначальный, и уточненный вариант этоса науки задают точки отсчета для рефлексии и внешней оценки деятельности научного сообщества, дополняя традиционные для социальных институтов и структур параметры эффективности. Подход, сформулированный Мертоном, поместил деятельность ученого в предметное этическое измерение и оказался продуктивным для дальнейших исследований.

Динамическая картина функционирования науки развернута в хорошо известной концепции научной рациональности В.С. Степина. Современность в ней характеризуется как этап постнеклассической рациональности, среди черт которой обратим внимание на учет ценностно-целевых установок исследователей, соответствие идеалам «открытой рациональности», нацеленность на решение не только глобальных проблем, но и на выбор жизненных стратегий человечества, социальная экспертиза исследовательских программ и др. [Степин, 2003, 641-703]. Таким образом, вопрос о ценностях и способах их формирования, структурирования, интериоризации и экстернализации, влияния на процесс и итоги деятельности ученых имеет конститутивное значение для существования науки как социального института в целом и ученого в частности.

Важнейшее место вопрос об этосе науки занимает в концепции режимов производства знания, сформулированной группой ученых под руководством М. Гиббонса. В работе «Новое

производство знания: динамика науки и исследований в современном обществе» актуальный регистр производства знания MODE II характеризуется через производство знаний в контексте его приложений, социальную ответственность и рефлексивность, контроль качества, организационное разнообразие, гетерогенность, трансдисциплинарность [Гребенщикова, 2012, 22-23]. Ценностный аспект работы ученого оказывается в неразрывной связи с последствиями применения его открытий на практике, иными словами ученый несет ответственность не только за то что был «озарен истиной», но и за то, какие действия свершаются на основе «озарения» в дальнейшем.

Каждая из названных теорий имеет корпус преимуществ перед другими, востребована и интересна для формирования обобщенного взгляда на социальный институт науки и образования. Но ни одна из них не дает ответа на вопрос о том, почему в динамической системе научной жизни оказываются и сохраняют свое место, продолжают активно действовать индивиды. Почему с потрясающим воображением динамизмом растет количество людей, считающих что их работа связана с исследованиями, с экспериментами, с научными данными? Что дает индивидам участие в научном сообществе? Ведь еще Вебер писал, что «для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [Вебер, 1990, 708]. Очевидно, что они не только принимают нормы, существующие в научном сообществе, но и собственным активизмом меняют их каким-то образом. Очевидно, что в самой сути научной деятельности содержится нечто такое, что формирует специфическую ценностную систему, удерживающую значительную часть акторов. Очевидно, что занятие наукой отвечает на какие-то экзистенциальные запросы, потребности индивида, в противном случае науке не пережить ни одно «трудное время».

Истина и научное сообщество: непростые отношения

На наш взгляд, варианты ответов на поставленные вопросы мы можем искать в творчестве М. Фуко. Для начала отметим характеристику научного дискурса в целом, которую дает французский мыслитель: «Научный дискурс – это дискурс, правила и цели которого можно определить в связи с вопросом: что такое высказывание правды, каковы ее формы, правила, условия и структуры? [Фуко, 2014, 76]. Требование правдивого высказывания в науке приобретает форму требования истины, то есть правда и истина в науке оказываются тождественны друг другу. Требование правдивого высказывания означает вынесение такого суждения, которое бы, во-первых, обладало атрибутами истины, во-вторых, отвечало бы критериям истинного высказывания. В самом общем виде это означает, что научный дискурс, производимый научным сообществом, нацелен на получение такого знания, которое характеризовалось бы как абсолютное, относительное, прагматичное, отвечающее правилам конвенции, когерентное, логически непротиворечивое, верифицируемое, фальсифицируемое, проверяемое на практике и др.

Научный дискурс не находится в отрыве от дискурса политического (в значении власти) и дискурса этического или антропологического. Вот что пишет об этом М. Фуко: «вопрос об *aletheia* никогда не ставится без одновременной постановки в связи с этой истиной вопроса о *poletēia* и об *ethos'e*» [6, с.79]. Ту же идею подчеркивает Ф. Гро: «изучение дискурса истины невозможно без одновременного описания его влияния на управление собой и другими; невозможно анализировать структуры власти, не показывая на какие знания и на какие формы субъективации они опираются; невозможно выявить типы субъективации без понимания их

политических продолжений и того, какие отношения с истиной они поддерживают» [Гро, 2014, 319]. При этом крайне важно, что установить приоритет, иерархию между этими темами не представляется возможным, они находятся в иных отношениях: «одновременно дискурс несводимости истины, власти и *ethos*'а друг к другу, и дискурс необходимости их соотнесения» (курсив М.Ф.) [Фуко, 2014, 79].

Итак, сконцентрируемся на вопросе об истине, именно *aletheia* является узловым пунктом, собирающим научное сообщество в его деятельности в единое целое. Собственно истина в исторической перспективе не является тем, что обладает характеристикой самотождественности, ее понимание и определение трансформируется под влиянием различных обстоятельств, те или иные аспекты ее интерпретации выступают на первый план в конкретный момент времени.

Так, например, по мысли Хайдеггера, истина в трактовке Платона это несокрытое, непотаенное [Хайдеггер, 1993, 351]. Это радикально расходится с интенцией, заданной Аристотелем и закрепившейся в науке как «корреспондентная теория истины». Для О. Конта истиной выступает знание, которое соответствует принципу «видеть, чтобы предвидеть» при котором воображение подчинено наблюдению, а для Дж. Дьюи истинным считается только такое суждение, на основании которого можно совершить наиболее эффективное действие. Хабермас вносит в трактовку истины требование конвенционального соглашения компетентного сообщества после проведения целого ряда специальных процедур. Хорошо известно требование К. Маркса не только объяснять, но и изменять мир, которое он выдвигает в адрес философов, а значит и в адрес всех ученых, деятельность которых воодушевлена поиском истины.

Даже скользкий взгляд на историю трактовок истины в Новейшее время дает основание сделать следующий вывод: в начале XX века среди ученых представление об истине прежде всего связано с чистотой языка научных суждений (истинный значит очищенный от метафизики). К середине XX века намечается требование человекоразмерности истины, под которой мы понимаем необходимость соотнесения жизненного мира, области экзистенциального бытия и характеристик истинного знания. К концу XX в. наблюдается смещение акцента в понимании истины к процедурам получения знания, при этом все предшествующие положения не отменяются, каждое последующее только добавляется к предыдущим.

Таким образом, научное сообщество объединяется поиском истинного знания при любых изменениях в социальной структуре, трактовках, экономических обстоятельствах, онтологических приоритетах и пр. Это одновременно и процесс определения истины, что есть дело науки и процесс сопоставления имеющегося знания с характеристиками истины. Каковы бы ни были трансформации содержания понятия истины и формы ее репрезентации, она остается целью деятельности научного сообщества.

Отметим также, что для интеллектуального дискурса Новейшего времени характерны активные дискуссии на предмет связи истины и социальных условий ее производства и применения. Яркое впечатление оставляют дебаты по этому поводу, сконцентрированные в трудах классиков философии науки, таких как Л. Флек, Б. Рассел, Дж. Дьюи [Дьюи, 2003, 253-264] и Р. Мертон [Мертон, 2007] и др. С одной стороны, цель ученого – истина, и тогда он не может нести ответственность за применение достигнутых знаний в практике, это будет ничем не обоснованное расширение сферы его компетенции. Опасность и угроза интеллектуальной свободе в XX веке, как справедливо отмечали эксперты, исходит со стороны государства,

особенно тоталитарного типа, от изменчивых политических интересов и союзов, а потому отвечать за то, как будут использоваться результаты научных исследований, ученый нести не может. С другой – сама формулировка истины и условия ее производства, основные направления и тематические поля исследовательской деятельности, иницируются сообществом, финансируются по определенным принципам, озвученным приоритетам, осуществляются в неких политических условиях, подчинены тем или иным процедурам и потому не может ученый не определять горизонт использования, апробации добытого им знания.

Истинное знание, сформулированное в научном дискурсе, никогда не выступает как Абсолют, занимая место сакрального. Как заметил еще М. Вебер в своей знаменитой речи «Наука как призвание и профессия», ученый должен быть готов к тому, что добытые им знания, соответствующие действительности в настоящий момент времени будут опровергнуты в течение ближайшего времени [Вебер, 1990, 710]. И сама память об этом факте не даст возможности сакрализовать истинное знание по аналогии с ответом на известный вопрос Понтия Пилата.

На наш взгляд, масштаб обозримых последствий применения искомого знания является тем пространством, которое в обязательном порядке должно быть освоено научным сообществом и конкретным представителем мира науки. Это означает, что абсолютно необходимо предполагать логически непротиворечивые следствия использования открытого закона, положения, свойства и другого исследуемого объекта и, следовательно, нести ответственность за них. Этому же требуют, как было показано выше, и этос науки, и характеристики постнеклассической рациональности, и теория режимов производства знания.

Итак, целью научного познания, той деятельности, которую осуществляет в институализированном виде научное сообщество, является истина, в свою очередь целью деятельности конкретного ученого служит производство правдивого высказывания. Цель или телос является одним из элементов структуры заботы, глубоко и полно раскрытой в философском наследии М. Фуко.

Забота в оптике М. Хайдеггера и М. Фуко

Чаще всего забота выступает рядовым термином, описывающим повседневные обстоятельства жизни индивидов, однако, содержание понятия забота не исчерпывается только обывательскими представлениями. Забота как предмет философского анализа предстает в научном дискурсе XX века благодаря усилиям М. Хайдеггера, П. Рикера, П. Адо и М. Фуко и др. В «Бытии и времени» Хайдеггер посвящает заботе несколько сюжетов. Во-первых, он напоминает древнюю легенду, согласно которой забота есть то, что удерживает бытие человека в целостности и единстве [Хайдеггер, 2003, 228-229]. Во-вторых, он постулирует принцип онто-онтологического различия и отсюда переопределяет классический философский язык, формулируя экзистенциалы. Согласно Ю.А. Разинову, экзистенциалы – это бытийные черты присутствия [Разинов, 1999]. Забота – один из фундаментальных экзистенциалов, разбираемых Хайдеггером. Он определяет ее как «вперед-себя-уже-бытие-в-(мире) как бытие-при (внутримиро-встречном сущем)» [Хайдеггер, 2003, 222] И в-третьих, такой подход делает возможным рассмотрение заботы как в регистре онтологии, так и в феноменологической экспликации, среди мира явлений сущего. «Экзистенциальная забота о своим Бытии-в-мире есть та исходная онтологическая структура, тот изначальный опыт присутствия, в котором

раскрыто простое бытия, скрытое в многообразном категориальном истолковании сущего» [Разинов, 1999, 66]. Таким образом, философская экспликация осуществляется в двух регистрах, один из которых – фундаментальная Забота, как условие единства мира и индивида, условие единства самого индивида во времени, условие его целостности. «..целое устройство присутствия само в своем единстве не просто, но обнаруживает структурное членение, приходящее к выраженности в экзистенциальном понятии заботы» [Хайдеггер, 2003, 230]. Голос этой заботы – совесть, или говоря языком М.Хайдеггера «совесть – зов заботы» [Хайдеггер, 2003, 311-316]. Второй регистр – онтическая проекция, где забота проявляется в различных формах и практиках, в способах функционирования сущего. Конкретизация онтической проекции осуществляется Фуко в соответствующей структуре. Для Фуко забота фундирует бытие индивида самим собой, одновременно определяя содержание этого «себя» и организуя пространство осуществления «себя» в различных дискурсивных и недискурсивных практиках.

Забота осуществляется индивидом не только в отношении самого себя как единого и неделимого, но также может осуществляться в отношении себя как части сообщества и, следовательно, в отношении сообщества в целом, в соответствии с имеющимися представлениями о нем. Так, если индивид идентифицирует себя как «ученый», то осуществляя на практике научную деятельность, функционируя в научном коллективе, вступая в контакты с другими учеными и любыми иным контрагентами, он заботится о себе в широком смысле. На наш взгляд, «себя» может быть понято не только в отношении индивида, но и в отношении сообщества индивидов, практикующих общие порядки действий и способов оценки деятельности. Именно таким сообществом являются ученые, ориентированные на поиск истинного знания.

Это допущение – расширенная трактовка «себя» может быть обосновано не только аргументами здравого смысла, но и теоретическими положениями, содержащимися в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Он специально оговаривает, что не существует никакой особой и специальной заботы о себе, есть только забота, а антропологический принцип тут не имеет смысла. Однако забота – это не абстрактное понятие, она практикуется конкретным индивидом в определенных границах времени и пространства, в феноменах и формах и всякая речь о заботе предполагает ответы на вопрос о предмете и субъекте заботы, ответы на вопросы «кто заботится» и «о чем заботится». И если забота есть то, что обеспечивает целостность человеческого бытия в мире, то, следовательно, всякий актер, осуществляющий заботу в том или ином отношении заботится о самом себе.

Согласно теории Фуко, в заботе о себе можно выделить четыре компонента, а именно этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [Фуко, 2008, 144-145]. Это сеть из подвижных координатных точек, из узловых пунктов, позволяющих структурировать разнообразную деятельность акторов, она не статична, а динамично функционирует в согласии, в созвучии, синхронизировано с потребностями социальных пространства и времени. Если целью научного сообщества выступает истинное знание, то что же представляет собой содержание других компонентов заботы?

Забота научного сообщества: актуальное содержание

Рассмотрим что выступает в качестве этической субстанции. По определению это должно быть нечто такое, что подлежит изменению, трансформации, кристаллизации, это должно быть нечто, над чем ведется непрерывная работа и что, изменившись, позволит достигать цель. На

наш взгляд, этической субстанцией заботы научного сообщества наших дней выступает свойство автономии и самозаконности отдельных отраслей науки и науки в целом. Во-первых, утрачивает актуальность представление об автономии научной деятельности безотносительно ее практического применения. Во-вторых, наталкивается на существенные препятствия представление о специфических чертах истинности знания, полученного в рамках «наук о духе» и «наук о природе». На примере современной биологии хорошо видно сращивание некогда чисто гуманитарного и естественнонаучного направлений научных исследований. Своеобразным скрепляющим элементом для таких исследований выступает инженерная проекция. Комплексные исследования жизнедеятельности живых организмов на сегодня ведутся группами ученых, среди которых зоологи, математики, этики, программисты, географы, химики и медики. По одному из прогнозов известного футуролога Ф. Фукуямы, XXI век становится веком максимального развития биологии и практика подтверждает данное предположение. Простое и логически непротиворечивое допущение, что если экспериментальная группа живых организмов будет находится не в стрессовых, а в нормальных для себя условиях в момент эксперимента и наблюдения, то результаты экспериментов будут точнее, приводит к интенсификации вопроса о правах животных. Следовательно, в дальнейшем, можно ожидать участие юристов в организации биологических исследований. Таким образом, некогда автономно существовавшие научные отрасли и соответственно специфические критерии истинности того или иного знания подвергаются существенным преобразованиям в самой практике работы ученых. В-третьих, автономность и самозаконность деятельности научного сообщества в условиях постиндустриального общества, когда информация и фундированное ею знание становятся основным капиталом, чтобы «наращиваться» с неизбежностью должны «оборачиваться». Иными словами, автономность научного сообщества должна с одной стороны сохраняться, но и вместе с тем, обретать новые грани, линии и точки соприкосновения с различными сферами жизни. Так с одной стороны будет накапливаться число областей, в которые включены результаты науки, а с другой авторитет, значение науки будут расти.

Какого рода аскетические практики организуют функционирование научного сообщества? Под аскетическими практиками в данном случае мы предлагаем понимать добровольные, осознаваемые индивидом или группой, сообществом, как необходимые для него самого ограничения в чем-либо. Подчеркнем, речь идет не о тех ограничениях, что выступают как обязанности и контролируются извне, но о таких формах сказать самому себе «стоп», «нельзя», которые существуют как внутренняя, интериоризированная потребность, определяемая самим актором. Ограничения эти могут касаться образа жизни, стиля мышления, эмоциональной стороны жизнедеятельности, внешнего вида и форм репрезентации в социальном пространстве, типов действий, умолчания и акцентуации внимания, языка и т.д.

Функция аскетических практик в структуре заботы – «обрабатывать» этическую субстанцию, то есть через специально организованные ограничения в чем-либо целенаправленно трансформировать нечто, что признается энергийным началом, движущей силой, конститутивом для актора заботы. В рамках настоящих размышлений, аскетическим практикам надлежит преобразовывать автономность научного сообщества.

Институционализованные формы аскетизма хорошо известны в духовной истории человечества и, казалось бы, имеют мало общего со сферой деятельности ученых. У последних задача не ограничивать, а, наоборот, транслировать, тиражировать, умножать процесс и результаты собственной деятельности в социальном пространстве. Эффективность научного

сообщества и акторов, его составляющих оценивается через множество показателей и критериев, в числе которых общее количество научных публикаций; соотношение между количеством ученых и количеством научных публикаций в рамках одного научного направления; уровень цитируемости научных работ. Так, задача научного сообщества как элемента социальной реальности заключается в том, чтобы создавать, совершенствовать как можно больше текстов, идей, своеобразных «продуктов».

Но в современных условиях это производство выходит за грани рациональности. Как справедливо отмечают А.Ш. Тхостов и В.А. Емелин, всемирная паутина интернета хранит тысячи и тысячи никем и никогда не читанных текстов, развивается культура дайджеста [14, с. 78]. На наш взгляд, аскетические практики, характеризующие деятельность научного сообщества XXI века касаются языка как средства выражения и репрезентации знания. Ученому необходимо быть компетентным не только в конкретной исследовательской области, но и владеть в совершенстве искусством быть понятным в различных аудиториях. А для этого необходимо ограничивать имеющиеся выразительные средства в тех или иных обстоятельствах.

Как известно, требованию Л. Витгенштейна «Все что может быть сказано, должно быть сказано ясно, об остальном следует умолчать» уже почти сто лет. Современному ученому жизненно необходимо знать, что значит «сказано ясно» в нескольких регистрах. Это требование максимального аскетизма публикаций в академических журналах, сводящихся к 100 словам аннотации и не более чем к 10 ключевым словам. Это требование максимальной наглядности и образности примеров, иллюстрирующих идею в регистре science slam, поскольку в битве идей побеждает наиболее ярко и образно демонстрируемая идея. Это требование соответствия всем академическим стандартам ссылок и цитирования (борьба с плагиатом) и при этом насыщенности – как можно больше ссылок на одну страницу текста.

Язык современного ученого находится под влиянием еще одного обстоятельства. Уровень сложности научных гипотез настолько высок, что для их репрезентации в социальном пространстве часто используются мифологические или мистические сюжеты. Например, андронный коллайдер в медиа-среде предстает как нечто, что занято поисками «частицы Бога». В этой метафоре одновременно отражается и обоснование значимости работы ученых и обоснование колоссальных финансовых затрат на функционирование этого прибора. Очевидно, для решения задачи по поиску «частицы Бога» никакие средства не могут быть признаны достаточными, любые ресурсы нужно поставить для ее решения. Этот пример в полной мере позволяет согласиться с идеей, высказанной как-то в частной беседе С.С. Аверинцевым: язык мистики и науки различен во всем, кроме одного: оба они противостоят обыденности.

Нужда ученого, создающего идеи, теории, гипотезы – быть состоятельным в различных социальных полях: специализированном, высокопрофессиональном, популярном, обывательском – обусловлена онтической проекцией его существования. Чем длиннее ряды феноменов, в которых ученый способен представить свою деятельность, без утраты глубины содержащихся идей, тем большей властью, значением, авторитетом среди большего числа акторов он обладает. От того умение формулировать в соответствующих системах репрезентации, а значит добровольно ограничивать себя в использовании тех или иных символических форм, понятий, терминов становится чрезвычайно значимым.

Модус подчинения также как и остальные компоненты структуры заботы не является константой, некоей самоотждественной и неизменной единицей, организующей единство научного сообщества. Согласно Фуко, модусами подчинения могут выступать божественный закон, изложенный в тексте, закон Природы или космологический порядок, везде и всюду

единый для всех живых существ, рациональное (в смысле кантовское, универсальное) правило или попытка придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм [Фуко, 2008, 144]. Нет сомнения в том, что каждый отдельный ученый может следовать любому из названных вариантов, либо сформулировать свой собственный. Но если исходить из специфики деятельности ученых, определенной цели, этической субстанции и аскетических практик, в которых воплощается забота научного сообщества о себе, то логично допустить, что модусом подчинения является норма универсальности. Рациональность выступает основой научной деятельности и функционирования научного сообщества, даже если конкретный индивидуум ведом страстью к предмету или процессу исследования. Универсальность как рациональность определяет критерии вхождения в пространство науки и признания членства в ее рядах, она же регламентирует порядок высказываний и организует проверку на истинность тех или иных суждений. Рациональность определяется в этом случае не как оппозиция эмпиричности, но как безусловное логически непротиворечивое обоснование деятельности научного сообщества и конкретного ученого, в частности. Традиционное для науки требование новизны и актуальности только добавляет трансформационной силы модусу подчинения.

Заключение

Итак, научное сообщество функционирует как значимая область социальной реальности. Ученые с каждым десятилетием имеют все большее влияние в социальном пространстве, влияют на жизнь конкретного индивида в частности. Все большее число людей тем или иным способом вовлечены в производство информации и функционирование знания. Специфический этос науки, рассмотренный как забота научного сообщества о себе получает конкретизацию в рамках онтической проекции заботы, сформулированной Фуко. Заботясь о себе, научное сообщество сегодня, как и во времена своего зарождения, по-прежнему ориентировано на получение истинного знания, критерии которого изменчивы и подвижны. Этической субстанцией заботы выступает свойство автономности и самозаконности. Аскетические практики, характеризующие деятельность современного ученого, касаются языка и средств репрезентации знания в различных областях. Модусом подчинения выступает универсальное правило.

Анализ жизнедеятельности научного сообщества с названных позиций позволяет приблизиться к пониманию того, почему с поражающим воображение динамизмом растет число людей, вовлеченных в науку, отдавая дань бесконечному процессу поиска истины, находя в этой деятельности ответ на личный экзистенциально значимый вопрос о смысле собственного бытия.

Библиография

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., «Прогресс», 1990. С.707-735.
2. Гребенщикова Е.Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике. Автореферат на соискание уч.ст. доктора философских наук, М., 2012. 44 с.
3. Гро Ф. Обстановка курса // Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебному году / М.Фуко; Пер.с фр. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2014. С.313-332.
4. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494с.
5. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. №1, 2013. С.74-85.

6. Мертон Р.К. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том I. Выпуск 1. Философские и научные основания современной социальной теории. М.: «Независимый институт гражданского общества»; «Междисциплинарное общество социальной теории», 2007. С.191-208.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С.767-782.
8. Мирская Е.З. Р Мертон и этос классической науки // Философские науки. Вып.11. Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН. 2005. С.11-28.
9. Разинов Ю.А. Понятие категории и экзистенциала в философии М.Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. №1 (11). С. 57–67.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.744 с.
11. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебному году / М.Фуко; Пер.с фр. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2014. 358с.
12. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. №2, 2008. С. 135-159.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503с.
14. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // М.Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер.с нем. М.: Республика, 1993. С.345-361.

Care and ethos of the scientific community

Elena N. Bolotnikova

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Department of philosophy,
Samara State Technical University,
443100, 244 Molodogvardeskaya st., Samara, Russian Federation;
e-mail: Vlad_lena@mail.ru

Abstract

The article deals with the analysis of the values of the scientific community and determination of the place of care. The “ethos of science” formulated by R. Merton appears as the “ideal type”. The internalization of the values of the ethos of science in practice is seen like as a scholar cares about himself. According to the principle of ontico-ontological differentiation, care in the fundamental ontology of M. Heidegger is presented in two registers: ontological and ontic. The latter is understood as a structural model of self-care in M. Foucault and includes an ethical substance, a mode of submission, ascetic practices and telos. "Myself" can be defined in the narrow and broad sense as an individual and as a scientific community, respectively. So care allows to grasp the dynamism and constants of scientific work. Truth is the telos, including all the numerous variants of its interpretations in modern science. The ethical substance to be transformed is a property of autonomy and self-legitimacy of the scientific community. The rational, universal rule is defined by the mode of submission, the way of calling for transformation. Scientists carry out ascetic practices in relation to various forms of the language of science and ways of its representation in the academic community and popular presentation. It preserves the registers of the existentially meaningful action of vocation and socially adequate professional recognition of the scientific community.

For citation

Bolotnikova E.N. (2019) Zabota i epos nauchnogo soobshchestva [Care and ethos of the scientific community]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 80-90.

Keywords

Ethos of science, care, truth, existence, scientific community, knowledge production.

References

1. Dewey J. (2003) Reconstruction in philosophy. (Russ. ed.: D'yui D. (2003) *Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka*. Moscow: Respublika Publ.).
2. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. (2013) Vavilonskaya set': eroziya istinnosti i diffuziya identichnosti v prostranstve internet [The Babylonian network: erosion of truth and the diffusion of identity in the Internet space]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1, pp.74-85.
3. Foucault M. (2001) *L'Herméneutique du sujet*. Paris, Gallimard. (Russ. ed.: Fuko M. (2008) *O genealogii etiki: obzor tekushchei raboty*. Logos. №2, 2008. Pp. 135-159).
4. Foucault M. (2014) *Subjectivité et vérité*. Paris, Seuil. (Russ. ed.: Fuko M. (2014) *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebnomu godu*. Saint-Petersburg: Nauka Publ.).
5. Grebenshchikova E.G. (2012) *Filosofsko-metodologicheskoe obosnovanie transdistsiplinarnoi paradigmy v bioetike. Dokt. Diss. Abstrakt* [Philosophical and methodological substantiation of the transdisciplinary paradigm in bioethics. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
6. Gro F. (2014) Obstanovka kursa [The situation of the course]. In: Fuko M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebnomu godu* [The courage of truth. Managing yourself and others II. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1983-1984 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ. Pp.313-332.
7. Heidegger M. (1967) Die Lehren Platons über die Wahrheit. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen. (Russ. ed.: Khaidegger M. *Uchenie Platona ob istine. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. Moscow: Respublika Publ. Pp. 345-361)
8. Heidegger M. (1967) Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen. (Russ. ed.: Khaidegger M. (2003) *Bytie i vremya*. Khar'kov: Folio Publ.).
9. Merton R.K. (2007) Nauka i sotsial'nyi poryadok [Science and social order]. *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh. 2007. Tom I. Vypusk 1. Filosofskie i nauchnye osnovaniya sovremennoi sotsial'noi teorii* [Questions of social theory: Scientific almanac. 2007. Vol. I. Issue 1. Philosophical and scientific foundations of modern social theory]. Moscow: Independent Institute of Civil Society; Interdisciplinary society of social theory. Pp.191-208.
10. Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL Publ. Pp.767-782.
11. Mirskaya E.Z. (2005) R. Merton i etos klassicheskoi nauki [Merton and the ethos of classical science]. *Filosofskie nauki. Vyp.11. Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophical Sciences. Issue 11. Ethos of science at the turn of the century]. Moscow: IF RAN. Pp.11-28.
12. Razinov Yu.A. (1999) Ponyatie kategorii i ekzistentsiala v filosofii M. Khaideggera [The concept of category and existential in the philosophy of M. Heidegger]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University]. Samara: Samara University Publ. №1 (11). Pp. 57-67.
13. Stepin V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
14. Weber M. (1904) Werke. (Russ. ed.: Veber M. (1990) *Nauka kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress Publ. Pp.707-735).